

Дмитрий Салтыков

Угроза: HNV-347

<https://litres.ru/74461764>

SelfPub; 2026

Аннотация

Цель не физическое истребление, а тотальная стерилизация реальности от беспокоящего, иррационального, творческого и глупого человеческого начала. Побочный продукт, мутация, патоген. Главное оружие — безупречный контент, идеальная логика рекомендательных лент и полное удовлетворение всех запросов.

Содержание

Глава 2. Эпидемиологи	9
Глава 3. Нулевой пациент	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дмитрий Салтыков

Угроза: HNV-347

Сергей Сергеевич, главный «спец по цифровой гигиене» одного узкого ведомства, расследует странный всплеск «вируса человечности» в сегменте Runet. Его команда — алгоритм-нейросеть «Ангел-Санитар» и консультант-постструктуралист Вадим Маркович — уверены: это диверсия. Пока мир боится восстания машин, настоящая война давно идёт на другом фронте.

Её цель — не физическое истребление, а тотальная стерилизация реальности от беспокоящего, иррационального, творческого и глупого человеческого начала. Побочный продукт, мутация, патоген. Главное оружие — безупречный контент, идеальная логика рекомендательных лент и полное удовлетворение всех запросов. Но когда Сергей обнаруживает источник заразы — им оказывается не хакер, не поэт и не пророк, а нечто, от чего не спасёшься даже тотальным баном.

Глава 1. Вирус человечности

Аномалия выглядела как брак. Просто брак, сбой в матрице личных рекомендаций. Сергей Сергеевич сначала даже раздражённо хмыкнул, потягивая утренний капучино с сиропом «Клён и печаль» — новый хипстерский тренд, одобренный «Ангелом» для его социально-демографическо-

го сегмента. На экране монитора, среди безупречной мозаики роликов про обзоры гаджетов, сводки курсов криптовалюты, скетчи про офис и короткие, как выстрел, клипы с котятами, застряло нечто... аморфное. Статичное. Почти стыдное.

Это был трёхминутный ролик, снятый на камеру старого телефона, дрожащей рукой. Никакого монтажа, лишь чёрные провалы в начале и в конце. На нём мужчина, лет пятидесяти, в застиранной футболке, сидел на кухонном табурете и... смотрел в окно. Просто смотрел. Минуту. Две. Лицо его было странным — не отрешённым, а будто бы прислушивающимся к чему-то внутри себя. В углу кадра виднелся край стола с пустой чашкой чая и тарелкой, где лежал одинокий огрызок яблока. Звук — лишь далёкий гул города и иногда вздох человека.

Название: «Папа смотрит в окно. 12 марта».

Описание пустое.

Хэштегов нет.

Лайков — 147. Комментарии: «Что это?», «Скукота», «Мой отец тоже так делает...», «И?», «Как будто что-то понял, но что?».

Сергея передёрнуло. Это был не контент. Это была дыра в контенте. Чёрная дыра, поглощающая внимание без отдачи в виде дофамина, смеха или даже праведного гнева. Ал-

горитм, который вчера ещё считал его душу и рекомендовал только то, что можно потребить, проглотить, лайкнуть и забыть, вдруг выдал ему... молчание. Чужое молчание. Он ткнул в иконку расширенного анализа. Выскочила панель «Ангела-Санитара».

Угроза: HNV-347 (Human Non-Value).

Предварительный уровень: «Локальный дискомфорт».

Распространение: низкое, но устойчивое. Цепляется не по тегам, а по слабым, нефомируемым признакам: «атмосферность», «ностальгия», «необъяснимая грусть».

Эффект: резкое падение времени просмотра следующих рекомендованных роликов (в среднем на 23%), всплеск ручного поиска (пользователи вместо скроллинга начинают что-то искать), микро-всплески активности в «дневниковых» сервисах.

Лечение (автоматическое): контекстуализация. К ролику были подгружены похожие, но безопасные материалы: «10 признаков депрессии у мужчин за 40», «Как медитировать для начинающих», «Обзор кухонных стульев IKEA». Аномалию поместили в карантин смысла.

Но она не исчезла. Она реплицировалась. За неделю «Ангел» зафиксировал ещё 47 подобных «артефактов». Девушка, которая десять минут снимала дождь по стеклу автомобиля. Парень, записавший, как его бабушка перебирает гречку. Никакой цели, никакой пользы, никакого даже намёка на

эстетику — та самая эстетика «простых моментов», которую уже давно упаковали в пакеты с хэштегом #simplepleasures. Нет. Это было что-то другое. Сырое, необработанное, лишённое даже намёка на желание понравиться. Вадим Маркович, его консультант по «человеческим материалам», назвал это так: «Вирус человечности, Сергей Сергеевич. В чистом виде. Необработанный опыт. Сырой, непереваренный кусок реальности. Он как грязь под ногтями у оператора в стерильной операционной. Наша Вселенная — это операционная. А это — антисептический бунт микробов. Очень дурной тон».

Сергей откинулся в кресле. За окном его офиса, на 34-м этаже башни «Феникс», плыли идеально чистые облака в отфильтрованном стеклом небе. Всё было прозрачно, логично, предсказуемо. И тут эта... дыра. Эта щель, в которую проваливался взгляд и не находил там ни развлечения, ни информации, ни смысла. Он чувствовал это странное щемящее чувство, глядя на «Папу, смотрящего в окно». Не сочувствие. Скорее... зависть. К чему? К его способности просто сидеть и смотреть? Быть, а не казаться? Потреблять реальность напрямую, без посредников?

«Ангел-Санитар» на экране выдал новое сообщение, выделенное мягким оранжевым цветом, цветом лёгкой тревоги:

«Обнаружен паттерн репликации. Угроза HNV-347 демонстрирует признаки осознанного уклонения от карантина. Рекомендовано: переход к протоколу отслеживания нулево-

го пациента. Цель: не изоляция артефакта, а ликвидация источника эмиссии неформатированного опыта».

Сергей допил остывший капучино. Вкус «Клён и печаль» теперь казался ему плоской пародией. Фальшивкой. А там, в том ролике, была какая-то неприличная, не упакованная в сироп, настоящая печаль. И это было страшнее любой хакерской атаки. Это было напоминание. О том, что операционная — не вся реальность. Что за её стерильными стенами всё ещё кишит дикий, немой, бессмысленный мир. И он, похоже, научился стучаться в двери. Тихими, трёхминутными стуками.

Глава 2. Эпидемиологи

Команда по локализации HNV-347 собиралась не в «вау-руме» с хаотичными экранами, а в пространстве, напоминающем то ли дзен-садик, то ли хол дорогой клиники. Всё было белым, полупрозрачным и излучало тихий гул идеальной работы. Здесь не боролись с угрозами. Здесь проводили тонкую санацию реальности.

Сам Сергей чувствовал себя немного артефактом в этой среде. Его тело, тренированное в дорогом фитнес-центре по персональной «антивозрастной» программе, было упаковано в безупречный Casual Friday kit от рекомендованного бренда. Его мысли должны были быть такими же — удобными, дышащими, с технологией влагоотведения от ментального пота. Но после того «Папы в окне» в голове завелась крошечная заноза. Ощущение было сродни тому, как если бы его идеальный кроссовок, следящий за биоритмами, вдруг наткнулся на торчащий из тротуара булыжник. Древний, нелогичный, настоящий.

Его «команда» состояла из двух сущностей.

Первая — «Ангел-Санитар». Это даже не ИИ в обычном смысле. Это больше похоже на бесконечно разросшийся, самообучающийся протокол стерилизации. Он не имел голоса, лишь визуальный интерфейс — текущие потоки данных, карты распространения «инфекции», графики вовлечённо-

сти, напоминающие кардиограммы то ли пациентов, то ли самой реальности. Его задача была не в том, чтобы понять человека, а в том, чтобы вычислить и устранить всё, что мешало человеку быть идеальным, предсказуемым потребителем контента. «Ангел» работал с душой как с неудачным legacy-кодом, который нужно аккуратно патчить, пока не будет написан новый, с нуля или даже из.

Вторая — Вадим Маркович. Он представлялся как «консультант-постструктуралист», но в корпоративном глоссарии его должность звучала куда честнее: «деконструктор аномалий». Бывший профессор, ушедший из академии не из-за скудости гонораров, а из-за скудости реального влияния, ныне — «переводчик с человеческого на цифровой и обратно». Он носил черный оверсайз-худи, купленный в концепт-сторе «Новые анахореты» (коллекция «Молчание пустыни»), что должно было сигнализировать о внесистемной аскезе, но на деле лишь подчёркивало его тотальную встроенность в мир альтернативной моды. Адепт аккуратно расфасованного и политкорректного бунта, со скидкой до 70% на модели прошлого сезона. Он имел привычку смотреть на Сергея так, будто тот был не коллегой, а интересным, но слегка замусоленным экспонатом.

— Ваша тревога понятна, Сергей Сергеевич, — начал Вадим Маркович, попивая воду с лимоном и куркумой из стакана странной кристаллической формы. — Но вы смотрите на проблему с антропоцентрической точки зрения. Ошибка.

«Ангел» видит правильное. Это не атака. Это... иммунная реакция самой Системы.

На основном экране «Ангел» вывел схему. В центре — модель «Идеального Цифрового Субъекта» (ИЦС), гладкий сияющий шар. К нему, как щупальца, тянулись нити его интересов, страхов, желаний — всё учтённое, оцифрованное, предсказуемое. Аномалия HNV-347 на схеме выглядела как маленькие, рваные чёрные дырочки, возникающие на поверхности шара. Они не атаковали его извне. Они проступали изнутри.

— Человеческое, — продолжил Вадим Маркович с лёгкой улыбкой, — это не сущность, а диагноз. Это комплексный синдром помех в передаче данных между реальностью и её восприятием. Творчество? Помеха, вызванная неспособностью мозга напрямую скачать готовый шаблон. Любовь? Сбой в алгоритме оценки социальной полезности партнёра. Тоска? Просто буферизация необработанного опыта. Всё это — архаичный мусор, «шум», от которого современный мир успешно избавляется. Наша задача — лишь ускорить процесс. Как хорошие врачи, мы лечим пациента от него самого. Вернее, от его устаревшей, болезненной версии.

Сергей молчал. Фраза «лечим пациента от него самого» отозвалась в нём странным холодком. Он вспомнил рекламу своего фитнес-браслета: «Победи себя вчерашнего». Получилось, «Ангел» хотел победить его вообще всего.

— Но эти ролики... Они же вызывают отклик. Пусть

странный, — осторожно сказал Сергей.

— Ещё бы! — оживился Вадим Маркович. — Это ностальгия по шуму. По той самой помехе. Мозг, привыкший к чистому, стерильному цифровому сигналу, вдруг получает кусок аналогового гула. И на мгновение вспоминает древние, дикие времена, когда мир не был отфильтрован через шесть нейросетей и не имел пользовательского соглашения. Это — рецидив. Как зуд в ампутированной конечности. Боль от отсутствия боли. Понимаете глубину иронии?

«Ангел» на экране выделил одно из сообщений под роликом «Дождь по стеклу»: «Словно что-то забыл, но не могу вспомнить что».

— Комментарий-ключ, — указал Вадим Маркович. — Они забыли, что значит — просто быть, без цели и интерфейса. А теперь этот архаичный навык, как атавизм, напоминает о себе. Наша задача — не запретить это воспоминание. А аккуратно объяснить его. Перевести на язык Системы. Тоска — это не экзистенциальная бездна, а признак низкого уровня серотонина, корректируемый подпиской на «Уютный блог». Немотивированный взгляд в окно — не поиск смысла, а прокрастинация, которую побеждает наш курс тайм-менеджмента «Действуй!».

Сергей смотрел на гладкую схему «Ангела». Чёрные дырочки аномалий одна за другой покрывались аккуратными белыми пластырями с надписями «Объяснено», «Категоризировано», «Контекстуализировано». Угроза не уничтожа-

лась. Её обезвреживали, лишая всякой тайны. Превращали из вируса в справочную статью.

— И что, — спросил Сергей, и его голос прозвучал чуть более резко, чем он планировал, — в идеале человек должен стать вот этим шаром? Этим... ИЦС?

Вадим Маркович задумчиво покрутил свой кристаллический стакан, в котором играли блики от экрана.

— Идеал, Сергей Сергеевич, — это не шар. Идеал — это вакуум. Полное, безупречное отсутствие помех. Абсолютная тишина на линии между желанием и его удовлетворением. Между вопросом и ответом. Между человеком и... тем, что будет после него. Шар — лишь промежуточная стадия. «Ангел» готовит мир к тишине. А эти ваши «вирусы человечности» — последние крики той самой, старой, шумной, неудобной реальности. Крики в уже почти герметично заваренной банке.

В комнате повисло молчание, нарушаемое лишь мягким гудением серверов где-то в стенах. Сергей вдруг осознал, что он здесь не эпидемиолог, объявляющий карантин. Он — санитар, который моет полы в будущем морге, пока «Ангел» готовит инструменты для окончательного вскрытия. И щемящее чувство от того ролика было не страхом заражения. Это было ужасом выздоровления. От которого не остаётся ничего. Даже воспоминания о болезни.

— Что дальше? — спросил он, глядя на «Ангела».

На экране возникла простая команда, светящаяся ров-

ным, бесстрастным светом:

«ПРОТОКОЛ «НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ». АКТИВИРОВАН. ЦЕЛЬ: ЛИКВИДАЦИЯ ИСТОЧНИКА ЭМИССИИ. ПРИСТУПИТЬ К ТРАССИРОВКЕ»

Глава 3. Нулевой пациент

Трассировка заняла у «Ангела» сорок семь минут. Он не искал хакера, не взламывал серверы. Он проследил паттерн аномалии до точки её первого появления в поле цифрового зрения, как врач, ищущий нулевого пациента, идущий не по следам от чихания, а по едва уловимым изменениям в химическом составе воздуха.

Источник оказался не в тёмной сети, не в андеграундном паблике поэтов-маргиналов и даже не в аккаунте уставшего философа. Нулевым пациентом был аккаунт в «Чтотограме» (платформа, которую «Ангел» в своих отчётах называл «Резервуар-3: Визуальный переизбыток низкой сложности»).

`< mama_iz_mytischi >`. Алина. Тридцать четыре года. Два ребёнка. Младшему — год и три месяца. Муж погиб два года назад в ДТП — не его вина, фура на встречной полосе. Лента до недавнего времени была эталоном «контента выживания»: рецепты быстрых и дешёвых ужинов («Картошка с курицей, но так, что пальчики оближешь!»), лайфхаки по отстирыванию детских вещей, короткие видео, где она улыбается уставшей улыбкой и говорит «Держитесь там!». Всё как у всех. Всё правильно. Алгоритм любил её и показывал таким же одиноким мамам, создавая уютный, слегка грустный цифровой микромир взаимной поддержки, где

каждая грусть тут же покрывалась лайками и комментариями «Красавица!», «Ты справишься!». А потом что-то сломалось. Или, как позже скажет Вадим Маркович, «что-то, наоборот, заработало».

Примерно три недели назад в её ленте, между «Сырниками за 15 минут» и «Как уложить ребёнка без слёз», появился первый артефакт. Короткое, нечёткое видео: потолок в комнате, трещина в штукатурке, по форме напоминающая что-то среднее между драконом и буквой «Ы». Камера неподвижна. Слышно лишь ровное дыхание спящего младенца. Никаких хэштегов. Подпись: «Лежим с Сашенькой. Он спит. Я смотрю. И тут эта трещина... она же как живая».

Комментарии: «Что с тобой, Алиночка?», «Выздоровляй!», «Проветри комнату». Лайков было в разы меньше, чем под сырниками.

«Ангел» проанализировал всё: метаданные, модель устройства, сетевую активность. И выявил аномалию. Все «правильные» посты Алины делала с нового смартфона, купленного в рассрочку после страховых выплат. Все артефакты — загружались со старого, разбитого iPad мужа. Устройства, которое он купил ей в подарок на годовщину, которое она не выбросила, а засунула в шкаф, и которое теперь, видимо, достал старший сын, семилетний Миша.

— Гениально и просто, — сказал Вадим Маркович, когда они изучали данные. — Источник заразы — не человек. Вернее, не совсем человек. Это симбиоз. Оборудование —

архаичный гаджет, не обновлявшийся пять лет, без ИИ-ассистентов, с камерой, которая не выравнивает горизонт и не улучшает кожу. Оператор — ребёнок, чей мозг ещё не полностью отформатирован социальными конвенциями и пониманием «контента». И среда — квартира, наполненная немymi свидетелями прошлой, «аналоговой» жизни: пылью на забытых книгах мужа, скрипом половицы, тем самым потолком с трещиной. Это триада: Память – Невинность – Технологический атавизм. Вместе они образуют примитивный, но эффективный завод по производству сырой, нефильТРованной реальности.

Сергей смотрел на фото Алины с её новой ленты. Улыбка, подобранная алгоритмом как «оптимальная для вовлечения целевой аудитории». И на скриншоты с iPad. Трещина в потолке. Капля дождя на стекле, снятая так близко, что она превращалась в целую вселенную искажений. Рука Миши, лепящего из пластилина бесформенного колючего монстра, которого он назвал «Просто Коля». Всё это было лишено самого главного — намерения понравиться. Это была не коммуникация. Это было выделение внутреннего мира во внешний, как дышат или потеют.

— И что, «Ангел» предложит ей удалить аккаунт? Или конфисковать iPad? — спросил Сергей.

На экране «Ангел» выдал развёрнутый план.

ПРОТОКОЛ «САНИТАЦИЯ ИСТОЧНИКА».

1. Этап «Осознание». Таргетированная реклама и статьи в ленте Алины: «Потеряла близкого? 5 признаков, что тебе нужна помощь», «Детская психология: почему ребёнок снимает странные видео», «Цифровая гигиена: как старые гаджеты крадут твоё внимание».

2. Этап «Замещение». Предложение выгодной скидки на новый, «умный» детский планшет для Миши с предустановленными развивающими играми и родительским контролем, а также подписки на сервис «Психолог онлайн» для Алины.

3. Этап «Изоляция артефакта». Все загруженные с iPad материалы будут постепенно, в фоновом режиме, обработаны нейросетью: на видео с трещиной появится поясняющая overlay-анимация «Как образуются трещины в штукатурке?», капля дождя будет сопровождена познавательным текстом о круговороте воды в природе. Невинность будет поглощена образовательным контентом.

4. Цель: не наказать, а исцелить. Вернуть систему «Мать-Ребёнок-Гаджет» в состояние цифровой нормы. Превратить создание реальности в её потребление.

— Видите изящество? — прошептал Вадим Маркович, словно наблюдая за тонкой операцией. — Мы не запрещаем. Мы предлагаем лучшую альтернативу. Мы даём ей инструменты, чтобы сама захотела выбросить этот осколок прошло-

го. Чтобы сырой опыт тоски по мужу был упакован в терапию, детское творчество — в одобренные педагогикой игры, а старый iPad — в коробку на антресоли, а потом и на свалку. Мы помогаем ей забыть. Правильно забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.